

РЕПУТАЦИЯ
ВЛАДЫКИ
87

ВЛИЯНИЕ
6320 / 10000

СТАБИЛЬНОСТЬ
78%

ГОРОД у БЕЗДНЫ

ЛитРПГ и власть

РЕСУРСЫ ГОРОДА

Золото	24,580
Энергия Бездны	18,760
Камень	41,320
Еда	26,190
Население	128,540
Боевой рейтинг	9,450

ТОРГОВЫЕ МАРШРУТЫ

АКТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ

Портал: Северные врата	74%
Рынок артефактов	63%
Добыча Кристаллов Бездны	58%
Теневой банк	81%
...	

СОБЫТИЯ

- Торговый караван прибыл из Эреборна
- Аукцион: Артефакт Воли через 02:17:43
- Налоги собраны
- Новый указ доступен

КНИГА РУН – УРОВЕНЬ III

Право собственности
Торговля и налоги
Законы и наказания
Дипломатия
Война и договоры

БАЛАНС КАЗНЫ

Доходы	+ 15,480
Расходы	- 9,870
Прибыль	+ 5,560

УКАЗЫ ВЛАДЫКИ [3]

НЕЙТОН ПАТЧЕР

Нейтон Патчер

Город у Бездны: ЛитРПГ и власть

«Автор»

2026

Патчер Н.

Город у Бездны: ЛитРПГ и власть / Н. Патчер — «Автор», 2026

Артём Соколов связан с Суверенным Данжем, который должен был стать обходным маршрутом, а превратился в угрозу для всей монополии Коалиции. Здесь контролируют не мечи, а шлюзы, терминалы, страховки, медицинские грузы, городские казны и право объяснять, кто виноват в чужой смерти. Бездна вводит свои правила: публичный долг погибшим, нулевую надбавку на жизненно важные грузы, санитарный контроль печатей, внутренний контур расчётов и устав, который ограничивает даже управляющего. Но каждое честное решение делает её опаснее для тех, кто привык покупать причины, долги и людей. Идеальные печати убивают. Города теряют воду. Лазареты выбирают между лекарствами и правдой. Коалиция запускает отсечение. А потом к Бездне стучит другая непризнанная дверь. Это тёмное экономическое ЛитРПГ о данже, который стал не подземельем, а правом не продаваться.

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Комиссия за смерть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Нейтон Патчер

Город у Бездны: ЛитРПГ и власть

Глава 1 Комиссия за смерть

Мирра Тонкая Соль вела караван без света.

Соляные мулы шли цепочкой, почти касаясь мордами хвостовых ремней друг друга, и каждый шаг отдавался в породе глухим сухим стуком. Над спинами животных висели тюки в серой парусине, стянутые верёвками и печатями поселения. Печати были не магические, не настоящие — дешёвые глиняные кружки с продавленным знаком соляного колодца. Если груз дойдёт до Прикрорма, их признают. Если не дойдёт — глина останется глиной, а поселение получит ещё один просроченный контракт.

Мирра шла первой.

В руке — короткий крюк для мулов, на поясе — нож, под курткой — плоская дощечка караванного счёта. На ней костяными штифтами были отмечены не деньги. Люди.

Пять погонщиков. Двое наёмных охранников. Тринадцать мулов. Сорок восемь мешков очищенной соли. Шесть ящиков кристаллизованной рапы. Один запечатанный мешок для аптекарей. Один долг, который рос быстрее плесени в сыром погребе.

В официальном шлюзе Коалиции всё это занимало бы меньше минуты.

Встать в очередь. Подать декларацию. Оплатить базовую комиссию, страховку прохода, стабилизационный сбор, транзитный рейтинг, санитарный акциз, риск-поправку на фронтирную зону и плату за срочность, потому что соль не умеет ждать, когда богатые гильдии закончат перебрасывать рейдовые составы.

Потом вспышка портала, холод во рту, запах палёной меди — и караван уже у Прикрорма.

Так было раньше.

Теперь счётчик на терминале показал сумму, от которой староста молча сел на край стола и долго тёр пальцами переносицу. Мирра стояла рядом, смотрела на цифры и не спрашивала, где взять деньги. Вопрос был лишним. Денег не было. Были мулы, соль, три дня до закрытия аптекарского заказа и официальный шлюз, который смотрел на бедных так же, как каменный колодец смотрит на мёртвых.

Поэтому они пошли под землёй.

Старый маршрут называли Нижней жилой. Когда-то по нему таскали руду, потом трупы рудокопов, потом контрабанду, потом перестали таскать даже слухи. Коалиция не запрещала им идти здесь. Зачем запрещать дорогу, которая сама убивает дешевле любого штрафа?

Вторая галерея сужалась.

Мирра подняла руку. Цепочка остановилась не сразу: последний мул упрямо дёрнул груз, верёвки скрипнули, один из погонщиков тихо выругался.

— Тише, — сказала Мирра.

Голос вышел сухим, без злости. На злость нужна лишняя вода.

Охранник по имени Дорс приблизился, держа копьё низко, почти параллельно полу. Его шлем был снят, потому что в галерее приходилось слушать не хуже, чем смотреть.

— Опять осыпь?

Мирра не ответила.

Впереди, там, где тоннель должен был уходить вниз плавным наклоном, лежала темнота. Не обычная подземная темнота, к которой привыкают глаза и разум. Эта была плотнее. Она стояла в проходе не отсутствием света, а чем-то вроде дешёвой ткани, натянутой от стены до стены. На камне возле правого края виднелись царапины.

Свежие.

Мирра присела. Коснулась пальцами породы. Соль въелась ей под ногти давно, кожа стала шероховатой, почти белёсой, и камень под ладонью показался тёплым.

— Здесь кто-то прошёл, — сказала она.

Дорс посмотрел на царапины.

— Мелкие когти. Пещерные крысы.

— У крысы нет вот этого.

Она указала на узкую борозду, которая шла не вдоль пола, а вверх, по стене, будто кто-то волок по камню кривой крюк.

Второй охранник, Лар, подошёл сзади. Он был шире Дорса в плечах и дороже в найме. Это означало только одно: если умрёт первым он, Мирра будет должна его семье больше.

— Падальщики, — сказал Лар.

Погонщики зашевелились. Кто-то сразу начал нашёптывать молитву Речной Матери, хотя под землёй вода была хуже врага.

— Не громко, — сказала Мирра.

— Нам надо назад, — произнёс молодой погонщик Самек. — Мирра, надо назад.

Она повернулась к нему.

Самек был слишком молод для этой галереи. В поселении он мог бы чинить крыши, вываривать рапу, ругаться с девками у колодца, таскать ведра, стареть. Но его отец лежал уже третий месяц, кашляя солью и кровью, а долг семьи не считал возраст.

— Назад — это к штрафу, — сказала Мирра. — Штраф — это конфискация двух мулов. Два мула — это минус половина следующего рейса. Половина следующего рейса — это закрытый колодец.

— А вперёд?

Мирра снова посмотрела на тёмный проход.

— Вперёд — это шанс.

Самек сглотнул. Его горло щёлкнуло в тишине громче, чем копыта мула.

У Мирры на внутренней стороне запястья мигнула красноватая строка интерфейса.

**ЗОНА: НИЖНЯЯ ЖИЛА СТАТУС МАРШРУТА: НЕСЕРТИФИЦИРОВАН
DEATHRISK: 41,8% СТРАХОВАНИЕ: НЕДОСТУПНО РЕКОМЕНДАЦИЯ: ВЕРНУТЬСЯ К
ЛИЦЕНЗИРОВАННОМУ ШЛЮЗУ**

Она закрыла уведомление движением пальца.

Рекомендации Системы всегда были вежливыми, когда у тебя не хватало денег.

— Дорс, десять шагов вперёд. Лар, хвост. Все мулы — ближе к стене. Не даём им сбиться в кучу. Если что-то полезет сверху, режьте крепления груза, не спасайте мешки.

— Староста нас живьём сварит, — сказал один из погонщиков.

Мирра двинулась первой.

— Если живьём — значит, дойдём.

Галерея приняла их медленно, будто горло глотало слишком крупную кость. Камень здесь был иной: не сухой слоистый известняк верхних ходов, а чёрная порода с металлическими прожилками. От неё во рту появлялся привкус старой монеты. Мулы нервничали. Один замотал головой, и колокольчик на его сбруе едва звякнул, но Мирра тут же сжала его пальцами, задавив звук.

Света не было. Они пользовались не факелами, а тусклыми грибными лампами в кожаных футлярах. Факелы ели воздух и кричали дымом на всю Бездну: вот мы, мясо с грузом, идём без охраны Коалиции.

Через двадцать шагов Мирра увидела первую кость.

Она лежала у стены, отполированная до матового блеска. Не человеческая. Слишком длинная. Муловья, возможно. Или от чего-то крупнее.

Через тридцать шагов — обрывок ремня.

Через сорок — старый аукционный жетон, расколотый пополам. Мирра подняла его. На одной стороне ещё читался знак Коалиционного терминала, на другой — номер партии. Когда-то здесь уже пытались провести груз. Не дошли.

Дорс впереди остановился.

— Слышите?

Мирра слышала.

Не шаги. Не дыхание. Не скрежет.

Слишком много тишины.

В обычной пещере всегда что-то живёт: капает вода, ползёт мелочь, потрескивает камень, шуршит пыль под лапами невидимых насекомых. Здесь всё словно отодвинули от каравана. Будто подземелье сделало вдох и не выпускало его.

Потом сверху упал первый падальщик.

Он не прыгнул. Он отлип от потолка.

Тело было узкое, сухое, с длинными суставчатыми лапами и челюстями, раскрывающимися вбок. На миг грибная лампа выхватила серую кожу, натянутую прямо на рёбра, влажные зубы и глаза без век. Тварь рухнула Дорсу на плечи. Копьё ударило в камень. Дорс не закричал сразу — только выдохнул, будто ему выбили воздух из груди. Потом падальщик повернул голову и впился ему под подбородок.

Караван развалился.

Мулы рванули назад, вбок, друг на друга. Верёвки натянулись, один тюк сорвался и ударил Самека в колено. Лар бросился вперёд, рубанул мечом по спине твари. Лезвие вошло неглубоко, как в мокрую кожу. Падальщик дёрнулся, отцепился от Дорса и кинулся на лицо Лару.

— К стене! — крикнула Мирра. — К стене, идиоты!

Второй падальщик вылез из боковой трещины. Третий — с потолка. Четвёртый шёл по стене почти бесшумно, цепляясь когтями за породу.

Самек кричал. Кто-то из погонщиков пытался удержать муловью связку, но животные уже пахли кровью. Первый мул встал на дыбы, ударил копытом по ящику с рапой. Ящик треснул, кристаллы посыпались на пол, отражая тусклый свет маленькими острыми искрами.

Мирра ударила крюком ближайшую тварь по морде. Крюк зацепил челюсть, дёрнул в сторону. Падальщик оказался лёгким, почти пустым, но сильным. Его лапа прошла по рукаву Мирры и распорол кожу до крови. Боль пришла горячей полосой, без времени на испуг.

Лар всё-таки убил первого. Вогнал меч в пасть до гарды, провернул, выдернул вместе с куском серой плоти. Дорс упал на колени. Кровь из его горла шла не струёй, а частыми толчками, пачкая ремень и воротник.

— Дорса назад! — Мирра попыталась пробиться к нему, но мул ударил её плечом.

Сверху посыпалась пыль.

Нет. Не пыль.

Падальщики сидели на потолке десятками.

Они шевелились медленно, выбирая момент. Грибные лампы ловили то локоть, то зубы, то длинные пальцы. Вся галерея над караваном была живой.

Мирра подняла руку к интерфейсу, но пальцы были в крови и соли. Строки дрожали перед глазами.

ЭКСТРЕННЫЙ ЗАПРОС МАРШРУТА БЛИЖАЙШИЙ ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ШЛЮЗ: НЕДОСТУПЕН ВРЕМЯ ДО ВЫХОДА: 02:17:44 DEATHRISK: 73,2% РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПРИНЯТЬ ПОТЕРЮ ГРУЗА И СОКРАТИТЬ ЧИСЛО УЧАСТНИКОВ

Мирра рассмеялась один раз. Коротко. Почти кашлянула.

Система рекомендовала бросить бедных, чтобы статистика стала аккуратнее.

Она жала дощечку караванного счёта под курткой.

Пять погонщиков. Двое охранников. Тринадцать мулов.

Уже не двое охранников.

— Режьте дальние тюки! — сказала она. — Не всех! Только крайние! Дайте мулам разворот!

Пятый падальщик прыгнул на Самека.

Мирра не успевала.

Тварь сбила парня на спину, когти вошли в плечо. Самек схватил её за шею обеими руками, удерживая пасть в ладони от собственного лица. Зубы щёлкали в двух пальцах от его глаза. Погонщик рядом стоял, подняв нож, но не бил: боялся попасть в Самека.

Мирра бросила крюк.

Он ударил падальщика в бок, не убил, но сбил угол. Самек вывернулся. Нож погонщика наконец вошёл твари под рёбра.

И тут пол под караваном дрогнул.

Не обвал. Не землетрясение.

Мирра знала обвалы. Они сначала шепчут. Камень предупреждает, скрипит, сыплет мелочь. Здесь всё произошло чисто, с механической точностью.

Вдоль правой стены загорелась тонкая синяя линия.

Потом вторая.

Потом третья, уходящая в глубину тоннеля.

Падальщики замерли.

Мулы тоже.

Из камня раздался низкий звук, похожий на то, как огромный замок поворачивает ключ в собственном брюхе.

Мирра отступила на шаг.

— Что это?

Никто не ответил.

Синяя линия развернулась в цепь символов, которых она не знала. Не коалиционные знаки, не гильдейские метки, не старые шахтёрские руны. Слишком ровные. Слишком холодные. Они появились не на поверхности породы, а как будто внутри неё, под тонким слоем камня.

Падальщики сорвались разом.

И пол открылся под ними.

Не под караваном. Под тварями.

Узкие щели разошлись в тех местах, где существа висели на стенах и потолке. Каменные пластины сдвинулись внутрь, выстрелили металлические зубья, и три падальщика исчезли в чёрных прорезях с влажным хрустом. Ещё двоих ударило сбоку струёй белого пара. Кожа на их телах вспучилась, серые спины выгнулись, твари заскребли по камню, но пар не отпускал, держал их в коридоре, как невидимая рука.

На интерфейсе Мирры вспыхнуло новое окно.

НЕИЗВЕСТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ЗАПРОС НА АВАРИЙНУЮ МАРШРУТИЗАЦИЮ СУБЪЕКТ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН ПРИНЯТЬ ЛОКАЛЬНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО? ДА / НЕТ

Мирра смотрела на «ДА».

В мире не бывает бесплатного прохода. Бесплатно только падают камни и умирают бедные.

Лар, весь в крови, толкнул её плечом.

— Мирра!

Она нажала.

Камень под ногами стал картой.

Не в голове — перед глазами. Тонкие линии пробежали по полу, обогнули мулов, людей, разбросанные ящики, тела падальщиков. Синий маршрут пошёл вперёд, потом резко свернул влево, через стену, где никакого прохода не было.

Стена раскрылась.

Не обвалилась, не растворилась, не исчезла. Три каменных блока ушли внутрь с сухим тяжёлым стуком, открывая боковую галерею. Оттуда пахло холодным воздухом и железом.

— Туда! — сказала Мирра.

— Там нет выхода!

— Здесь тоже уже нет!

Она схватила ближайшего мула за повод. Животное сопротивлялось, мотало башкой, но синяя линия на полу проходила прямо под его копытами, и почему-то мул пошёл. Остальные потянулись следом.

Падальщики пришли в движение. Теперь они не нападали сверху, а гнались за караваном плотной серой волной. Галерея наполнилась скрежетом когтей. Лар шёл последним, пятясь, рубя тех, кто подбирался ближе. Один погонщик тащил Дорса под руки, оставляя за ними тёмную дорожку.

— Брось, — прохрипел Дорс.

— Заткнись, — сказал погонщик.

— Я уже груз.

— Тогда будешь тяжёлым.

Мирра слышала, но не смотрела назад.

Новая галерея была слишком ровной для старой шахты. Стены гладкие, в полу — желоба, по потолку — тёмные направляющие. Это был не естественный ход. Не рудная выработка. Скорее служебный коридор чего-то огромного, забывшего, зачем ему люди.

Каждые двадцать шагов из стен выдвигались ловушки.

Не все срабатывали правильно. Один механизм щёлкнул впустую, выплюнув ржавый болт в потолок. Другой выпустил сетку, которая упала не на падальщиков, а на пустой участок пола. Третий, наоборот, ударил точно: каменная плита вылетела сбоку и размазала двух тварей по противоположной стене.

Интерфейс Мирры менялся на ходу.

DEATHRISK: 69,1% DEATHRISK: 64,7% DEATHRISK: 58,3%

Система пересчитывала смерть, как лавочник пересчитывает мелочь.

— Быстрее! — сказала Мирра.

Самек хромал. Один мул тащил сорванный тюк волоком. Груз скрёб по полу, оставляя за собой белую соляную полосу. Падальщики шли по этой полосе, как по запаху крови.

Впереди показался провал.

Синяя линия уходила прямо к нему и исчезала.

Мирра подбежала к краю. Внизу — шахта, слишком глубокая для грибной лампы. По стенам вертикально шли старые рельсы. На противоположной стороне, шагах в двадцати, темнела следующая галерея.

— Моста нет, — сказал Самек.

— Я вижу.

— Мирра, моста нет!

Позади Лар вскрикнул. Один падальщик вцепился ему в бедро. Он ударил его рукоятью меча, сорвал, но нога подогнулась.

Синяя линия под ногами мигнула дважды.

Из шахты поднялась платформа.

Сначала Мирра увидела только край — чёрный металл, покрытый пылью. Потом весь прямоугольник вышел из темноты и остановился вровень с полом. На нём не было перил. На поверхности горели четыре слабые руны, похожие на полузакрытые глаза.

НОСИМОСТЬ: 11 000 ЕД. ТЕКУЩАЯ МАССА КАРАВАНА: 12 640 ЕД. РЕКОМЕНДАЦИЯ: СБРОСИТЬ ГРУЗ

— Нет, — сказала Мирра.

Она не знала, кому говорит. Себе. Системе. Камню. Тому, кто открыл этот путь.

— Нет.

Мирра сорвала с пояса нож и бросилась к мулу с кристаллизованной рапой. Один ящик уже был расколот, второй держался. Она разрежала ремни. Ящик рухнул на пол, крышка отлетела, дорогие кристаллы рассыпались под ноги. Аптекари за них заплатили бы половину долга. Теперь они хрустели под копытами.

ТЕКУЩАЯ МАССА: 12 020 ЕД.

— Ещё! — крикнул Лар.

Погонщики начали резать крайние мешки соли. Белое зерно посыпалось на чёрный металл платформы, на камень, на кровь. Мулы ревели. Падальщики уже были близко.

ТЕКУЩАЯ МАССА: 11 410 ЕД.

— Ещё!

Мирра метнулась к последнему тюку, но Самек схватил её за рукав.

— Аптекарский мешок не трогай!

— Я не его!

Она резанула крепление коммерческой партии, той самой, что должна была покрыть проценты. Мешок упал. Соль ударила по полу мягко, почти беззвучно.

ТЕКУЩАЯ МАССА: 10 980 ЕД. ДОПУСК РАЗРЕШЁН

— На платформу!

Люди и мулы ввалились на металл. Платформа качнулась. Лар запрыгнул последним, но падальщик прыгнул вместе с ним, вцепился в край. Мирра ударила ножом по его лапе. Раз. Два. Кость была жёсткой. Тварь не отпускала. Лар наступил на её пальцы сапогом и продавил вниз. Падальщик сорвался в шахту, царапая металл.

Платформа пошла вниз.

Не на противоположную сторону.

Вниз.

Самек выругался так тихо и страшно, что Мирра почти не узнала его голос.

— Она нас топит.

— Молчи.

— Мирра, она уходит вниз.

— Молчи, я сказала.

Падальщики остались наверху. Они не прыгали. Стояли у края, щёлкали челюстями, смотрели вслед. Значит, внизу было что-то, чего боялись даже они. Или они просто знали: добыча сама едет в яму.

Воздух становился холоднее. Грибные лампы светили хуже, будто их давила глубина. Стены шахты скользили мимо, покрытые старыми отметками: цифры, стрелки, знаки грузовых уровней. На одном Мирра увидела выбитое слово, почти стёртое временем: «БЕЗДНА».

Платформа остановилась.

Перед ними открылся зал.

Он был таким большим, что свет ламп не доставал до потолка. Где-то наверху висели цепи. По стенам шли галереи, мосты, арки, закрытые ворота. В центре стоял каменный столб высотой с башню, оплетённый металлическими жилами. В его основании горело слабое синее ядро.

Не ярко. Не торжественно.

Как уголь под пеплом.

На полу зала лежали старые рельсы, платформы, обломки тележек и сухие кости. Много костей. Но падальщиков здесь не было.

Платформа довезла их до края разгрузочного круга и замерла.

Мирра ступила на камень. Синяя линия снова появилась под ногами, теперь спокойнее. Она вела через зал к дальним воротам.

У Дорса закончились силы.

Погонщик опустил его у основания столба. Охранник хрипел, захлёбываясь. Рана под подбородком была плохая. Не глубокая — неправильная. Падальщик вырвал что-то, что нельзя было заменить бинтом.

Лар присел рядом, прижал ладонь к горлу Дорса.

— Держи.

Дорс посмотрел на него. Попытался что-то сказать. Из рта пошла кровь.

Мирра опустила на колени.

— Дорс.

Он перевёл глаза на неё.

— Дошли? — выдавил он.

Она хотела соврать. Сказать да. Сказать, что впереди уже Прикромье, что официальные стены, аптекарская башня, горячая похлёбка, расчёт по контракту. Но в караванах не врут умирающим о дороге. Дорога всё слышит.

— Ещё нет.

Дорс кивнул так, будто это было честно и достаточно. Его рука дёрнулась к поясу. Там висела маленькая медная пластина с семейной меткой. Мирра сняла её сама и вложила ему в ладонь.

Он сжал пальцы.

Потом перестал.

Система отреагировала раньше людей.

УЧАСТНИК КАРАВАНА: ДОРС ЛЕНТ СТАТУС: ПОГИБ ПРИЧИНА: ХИЩНИК БЕЗДНЫ СТРАХОВОЕ ПОКРЫТИЕ: ОТСУТСТВУЕТ РЕКОМЕНДАЦИЯ: ОБНОВИТЬ КОНТРАКТНЫЙ СОСТАВ

Мирра закрыла окно.

Лар встал. Его лицо было серым.

— Мы должны идти.

Мирра поднялась тоже. Она посмотрела на ядро в основании столба. Оно горело чуть ярче, чем минуту назад.

— Кто ты? — спросила она.

Зал не ответил.

Но где-то глубоко под камнем, там, где не должно было быть ни слуха, ни языка, ни воли, чужое сознание уже считало их шаги.

Артём Соколов видел караван как поток.

Не глазами. Глаза остались в другом месте, в белом пластиковом корпусе нейро-капсулы, под крышкой, которую открывали только техники с доступом и люди, имеющие право сказать о живом теле: объект подключения.

Здесь зрение было картой.

Точки. Векторы. Масса. Риск. Скорость. Повреждения. Вероятность отказа.

Караван Мирры сначала появился в периферийном слое данжа как мусорный шум: неучтённые тепловые сигнатуры в старой Нижней жиле. Система обозначила их серым, без приоритета.

НЕЦЕЛЕВАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОНИКНОВЕНИЕ В НЕОБСЛУЖИВАЕМУЮ ГАЛЕРЕЮ РЕКОМЕНДУЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ: ИГНОРИРОВАТЬ

Артём почти проигнорировал.

Почти.

В Суверенном Данже каждый ресурс был на счёту. Ловушки сбоили. Галереи осыпались. Кислотные резервуары были пусты на треть. Ядро держало минимальный контур защиты, два технических коридора, одну жилую нишу, которую Система издевательски называла «административным покоем», и доступ к интерфейсу, где половина функций была закрыта из-за статуса.

СТАТУС СУБЪЕКТА: КОНТРАКТНЫЙ НРС ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: НЕТ ПРАВА НА ВНЕШНИЙ ДОГОВОР: ОГРАНИЧЕНЫ ПРАВА НА УДЕРЖАНИЕ ДОБЫЧИ: ЧАСТИЧНЫЕ ПРАВА НА МАРШРУТИЗАЦИЮ: НЕ ОПРЕДЕЛЕННЫ

Не определены — любимый тип дырки. Не разрешено. Не запрещено. Просто ещё не куплено теми, кто привык покупать язык мира.

Артём провёл фокусом по серым точкам. Караван шёл медленно, с перегрузом, без сертифицированного сопровождения, без страховки, по маршруту, где смертность последних учтённых прохождений превышала допустимые значения даже по меркам Бездны.

Он сразу увидел причину.

Официальный шлюз Коалиции стоял в двадцати семи километрах по поверхности. Пропускная способность высокая. Риск почти нулевой. Комиссия — абсурдная.

Артём вывел расчёт.

Стоимость груза каравана: средняя. Срочность: высокая. Маржа после коалиционного шлюза: отрицательная. Вероятность банкротства отправителя при оплате шлюза: 82,4%.

То есть они не выбирали опасный маршрут. Их вытолкнули в него.

Он закрыл расчёт.

В реальности такие решения называли оптимизацией тарифной сетки. Внутри презентации это выглядело чисто: сегментация клиентов, эластичность спроса, компенсация инфраструктурных рисков, премиализация безопасного прохода. На графике бедные исчезали красиво. Линия просто уходила вниз.

Здесь они шли по его мёртвой галерее с мулами и дешёвыми лампами.

Артём удерживал внимание на караване, пока падальщики собирались над ними.

Он мог не вмешиваться.

Это было не его обязательство. Караван не заключал контракт с данжем. Не оплатил проход. Не принёс добычу. Не активировал квест. В обычной логике подземелья чужая смерть — источник ресурсов. Падальщики убьют людей, часть груза останется, потом, возможно, придут игроки, зачистят тварей, заберут соль, погибнут сами или заплатят кровью за доступ к нижним уровням. Данж получит энергию, трофеи, статистику угрозы.

Экономически корректно.

Артём открыл слой ловушек.

Доступные аварийные механизмы: 17 Исправные: 6 Частично исправные: 5 Неисправные:

6

Проблема была не в том, чтобы убить всех падальщиков. Проблема была в том, чтобы не убить караван. Старые ловушки проектировали для рейдеров: широкие сектора поражения, обрушения, кислотные сбросы, ложные мосты. Грубая математика смерти. Чтобы провести людей, нужно было резать по живому старый алгоритм данжа.

Артём развернул маршрутную сетку.

Вариант 1: отступление. Вероятность выживания — 38%. Потеря груза — 67%. Вариант 2: прорыв по Нижней жиле. Вероятность выживания — 21%. Вариант 3: аварийный обход

через грузовой узел Бездны. Вероятность выживания — 54%. Повреждение инфраструктуры — 31%. Расход энергии ядра — критический.

Он смотрел на третий вариант.

Расход энергии ядра — это не цифра на экране. Это меньше щитов, меньше контроля над спавном, меньше шансов отбиться, если в верхние уровни зайдёт гильдейская группа. Это риск для него самого. Потому что Артём не мог выйти из данжа. Он был привязан к ядру так же, как тело в реальности было привязано к капсуле.

Капсула.

На периферии сознания постоянно висел второй интерфейс, тусклый, забитый задержками.

НЕЙРОСЕССИЯ: АКТИВНА БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС: СТАБИЛЬНЫЙ ПРАВО НА АВТОНОМНОЕ ПРОДЛЕНИЕ: ОСПАРИВАЕТСЯ КОРПОРАТИВНЫЙ КАНАЛ: ОГРАНИЧЕН

Иногда он ловил обрывки реального мира: запах антисептика, давление фиксаторов на запястьях, далёкий женский голос за стеклом. Лена. Или память о Лене. Система не всегда отделяла сигнал от фантома.

Если ядро падёт, сознание Артёма не вернётся мягко в тело. Корпоративный контракт был написан так, что любой сбой можно назвать самовольным нарушением режима. Он слишком хорошо знал такие документы. Сам когда-то строил маршруты, где ответственность терялась между пунктами договора, как груз между складами.

Падальщик упал на охранника.

Карта вспыхнула красным.

Артём ввёл команду.

АКТИВАЦИЯ АВАРИЙНОЙ МАРШРУТИЗАЦИИ ОСНОВАНИЕ: ЗАЩИТА ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОТОКА ОШИБКА: НЕТ ДОГОВОРА ОБСЛУЖИВАНИЯ

— Договор будет, если они выживут, — сказал Артём.

Голоса здесь не требовалось, но он всё равно говорил. Это удерживало человеческую форму мысли. Когда слишком долго управляешь коридорами, начинаешь думать дверями.

Он обошёл ошибку через старый протокол эвакуации шахтёров.

ОСНОВАНИЕ: СОХРАНЕНИЕ НИЗКОУРОВНЕВОЙ ТРУДОВОЙ ЕДИНИЦЫ ПРИОРИТЕТ: УСТАРЕВШИЙ ДОСТУП: ЧАСТИЧНО РАЗРЕШЁН

Камень откликнулся.

Первые ловушки сработали плохо. Старая система хотела убивать по площадям. Артём сжимал сектора, закрывал щели под копытами мулов, перекидывал давление на стены, отключал кислоту там, где бежали люди. Он не управлял каждым механизмом руками. Рук не было. Он задавал ограничения, как в логистической модели: сюда нельзя, здесь груз, здесь живые, здесь допустимая потеря ноль, здесь допустимая потеря — камень, металл, тварь.

Допустимая потеря.

Фраза ударила неприятно.

Пока караван бежал, один охранник умер. Артём видел, как его точка из красной стала чёрной. Система сразу вынесла тело из расчёта живого потока. Масса осталась, ценность изменилась.

Он заставил себя не закрывать чёрную точку.

Платформа в шахте была проблемой. Носимость не совпадала с массой каравана. Если отключить ограничитель, древний подъёмник мог сорваться. Если не отключить — падальщики догонят людей. Артём вывел формулу распределения веса, но Мирра решила быстрее: начала сбрасывать груз.

Не весь.

Выборочно.

Она оставила аптекарский мешок.

Артём отметил это, хотя не должен был. Для маршрута груз — единицы массы и стоимости. Для человека — то, ради чего нельзя было идти через официальный шлюз.

Платформа ушла вниз.

Падальщики не последовали. Хорошо. Значит, нижний зал всё ещё держал старый отпугивающий контур. Плохо — потому что контур ел энергию, которую Артём уже потратил на вмешательство.

Караван вошёл в грузовой зал.

Артём видел их теперь не только как точки. В центральном узле сохранились обзорные руны, мутные, с рябью, но достаточные.

Мирра стояла у мёртвого охранника.

Худая, в потёртой куртке, с белой солью на волосах и кровью на рукаве. Она не плакала. Люди, которые считают мешки, мулов и погибших в одном караванном счёте, часто не плачут там, где плакать дорого.

Она спросила:

— Кто ты?

Артём не ответил сразу.

Не потому, что хотел выглядеть загадочно. Ответа не было.

Игроком он больше не был. Владельцем данжа — тоже. NPC? Контрактный. Смешная категория. Юридический костыль, которым корпорация закрывала эксплуатацию человеческого сознания в процедурных мирах. Не персонаж, не сотрудник, не пациент, не имущество. Исполняющая функция.

Если функция спасает караван, кто получает право прохода?

Он открыл локальный канал.

Система предупредила:

**ПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ С НЕЗАКОНТРАКТОВАННЫМ NPC-ПОТОКОМ
МОЖЕТ СОЗДАТЬ ПРЕЦЕДЕНТ ОБСЛУЖИВАНИЯПРОДОЛЖИТЬ?**

Артём нажал «да».

Голос вышел из стен не сразу. Сначала зал скрипнул цепями, потом низко загудела колонна, и только после этого слова собрались в воздухе — ровные, глухие, будто их произносили не человек, а вентиляция старого хранилища.

— Идите по синей линии. Верхний маршрут закрыт. До выхода сорок шесть минут.

Все в зале замерли.

Лар поднял меч.

Мирра смотрела не на потолок, не на стены, а прямо на ядро у основания колонны. Умная. Значит, уже поняла, где центр.

— Ты хозяин этого места? — спросила она.

Артём хотел сказать «нет».

Потому что юридически — нет. Системно — нет. Фактически — тоже спорно. Он был тем, кто мог открыть дверь, но не имел права назвать дверь своей.

— Я управляю аварийным проходом, — сказал он.

Мирра усмехнулась краем рта. В этой усмешке было больше усталости, чем насмешки.

— У всех, кто берёт плату, сначала аварийный проход.

— Плату я не назначал.

— Пока.

Слово легло точно.

Артём проверил маршрут дальше. Дальние ворота были заклинены. Чтобы открыть их, требовалось запустить левый привод. Левый привод был связан с дробильной камерой. Дробильная камера была забита костями, камнем и, судя по сигналам, чем-то живым.

Он вывел ресурсный расчёт.

Открытие ворот: 9 единиц ядра. Очистка камеры: 14 единиц. Альтернативный обход: +33 минуты, DeathRisk +12%.

У каравана был раненый Лар, хромающий Самек, мулы на грани паники и потеря части груза. Плюс тело Дорса, которое они не захотят бросить.

Люди редко укладываются в оптимальный маршрут.

— У вас есть один погибший, двое раненых и перегруз по времени, — сказал Артём. — Если будете нести тело, скорость упадёт на семнадцать процентов.

Лар поднял голову.

— Повтори.

Мирра даже не повернулась к охраннику. Она смотрела на ядро.

— Он говорит, что Дорс мешает расчёту.

Артём остановил следующий ответ.

Так бы сказал интерфейс. Так он и сказал, только человеческими словами.

— Я говорю, что нужно изменить построение, — произнёс он после паузы. — Тело положите на третьего мула. Груз с третьего мула распределите на пятого и седьмого. Разрежьте связку на две части. Первая группа пойдёт с Миррой. Вторая — с Ларом. Между группами восемь шагов. Если нападение будет сзади, я закрою перегородку между вами.

— То есть отрежешь хвост, — сказал Лар.

— Если не отрежу, погибнут все.

Лар сделал шаг к ядру, хотя это ничего не меняло.

— Очень удобно быть стеной и считать чужие смерти.

Мирра подняла руку.

— Лар.

— Он уже посчитал Дорса.

— Лар.

Охранник замолчал. Не успокоился, но подчинился.

Мирра подошла ближе к колонне. Синее свечение легло на её лицо снизу, подчеркнуло впалые щёки, сухие губы, белые соляные следы у виска.

— Ты проведёшь нас до выхода?

— Да.

— Что возьмёшь?

— Ничего.

Она покачала головой.

— Так не бывает.

— Сегодня бывает.

— Сегодня всё бывает потому, что завтра придёт счёт.

Артём не ответил.

Потому что она была права.

Он уже видел возможный счёт, хотя ещё не понимал его формы. Система не любила бесхозные действия. Если инфраструктура обслуживает поток, где-то должен появиться владелец, тариф, ответственность или запрет. Мир устроен не вокруг справедливости. Мир устроен вокруг записей в реестре.

Караван перестроился.

Тело Дорса положили на третьего мула, завернув в серую парусину от сброшенного тюка. Медная пластина осталась у него в руке. Лар проверил ремни, затянул слишком резко. Мирра не мешала.

Артём тем временем запускал очистку дробильной камеры.

Старый механизм проснулся с неохотой. За дальней стеной что-то провернулось, заскрежетало, потом ударило так, что по залу пошла дрожь. Мулы шархнулись. С потолка посыпалась пыль.

Внутри камеры завизжало.

Не металл. Живое.

Артём поднял давление привода.

Звук оборвался.

Открытие ворот заняло сорок две секунды. Слишком долго для людей, которые стоят в центре огромного зала и ждут, когда подземелье решит, кормить их выходом или смертью.

Наконец дальние створки разошлись.

За ними был узкий тоннель с сухими стенами и слабым тёплым сквозняком. Воздух двигался к поверхности.

Мирра первая почувствовала это. Подняла лицо.

— Выход.

— Не выход, — сказал Артём. — Технический сброс у старого водоотводного канала. От него до тракта Прикромья семь минут.

— Для нас это выход.

Они двинулись.

Последний участок оказался хуже, чем расчёт.

Не из-за тварей. Падальщики отстали. Хуже были старые защитные контуры, которые не признавали караван своим и всё время пытались закрыть проход. Артём держал двери открытыми вручную, блокировал стреломёты, гасил ложные плиты. Один раз ему пришлось обрушить часть боковой стены, потому что механизм не отключался, а впереди шёл Самек.

Расход энергии ядра падал неприятно быстро.

ЯДРО БЕЗДНЫ РЕЗЕРВ: 31% РЕЗЕРВ: 27% РЕЗЕРВ: 22%

На двадцати процентах включался режим экономии. На пятнадцати данж терял активные ловушки. На десяти часть сознания Артёма начинала уходить в сон, который Система называла стабилизацией.

В реальности это могло выглядеть как кома внутри комы.

Канал капсулы мигнул.

КОРПОРАТИВНЫЙ ПИНГ ИСТОЧНИК: МЕДИЦИНСКИЙ КОНТУР СТАТУС:
ОТКЛОНЁН

Артём не успел открыть.

В этот момент у выхода проснулась последняя ловушка.

Не его. Не данжевая даже, а старая шахтёрская защита от прорыва нижних существ: решётка, падающая сверху, и следом заливка прохода расплавленным известковым составом. Примитивно. Надёжно. Не подключено к общей сети.

Первая группа прошла.

Вторая — нет.

Лар, два мула и погонщик по имени Хреб оказались на другой стороне, когда решётка сорвалась вниз.

Артём ударил по механизму всем доступным управлением.

ОШИБКА: ВНЕШНИЙ АВТОНОМНЫЙ КОНТУР ОШИБКА: НЕТ ДОСТУПА
ОШИБКА: НЕТ ДОСТУПА

Решётка падала.

Лар посмотрел вверх, понял быстрее остальных и толкнул погонщика вперёд. Хреб проскочил. Первый мул тоже. Второй мул, тот самый, с телом Дорса, застрял. Груз ударился о камень, ремень перекрутился.

Решётка вошла в спину животного.

Мул заревел.

Лар оказался под решёткой сбоку. Металлический зуб прошёл ему через плечо, прибив к полу. Он не закричал. Только открыл рот и выгнулся.

Тело Дорса съехало с муловьей спины, упало между прутьями.

За решёткой в потолочных желобах начал светлеть расплав.

Мирра бросилась назад.

— Нет!

Артём видел всё сразу: расстояние, температуру состава, прочность решётки, шанс поднятия вручную, время до заливки.

Время: 11 секунд.

Если открыть аварийный сброс давления в боковом канале, можно увести расплав в старую дренажную жилу. Но дренажная жила связана с резервом ядра. Температурный удар сожжёт два накопителя. Резерв упадёт ниже пятнадцати.

Он не выбирал долго.

Выбор без действия — тоже тариф.

Артём открыл сброс.

По стенам прошёл белый свет. Расплавленный состав хлынул вниз, но не на Лара. Его втянуло в боковые щели с таким звуком, будто гора давилась кипятком. В воздух ударил жар. Мирра закрыла лицо рукавом. Самек упал на колени, кашляя.

Резерв ядра рухнул.

РЕЗЕРВ: 14% АКТИВНАЯ ОБОРОНА ОГРАНИЧЕНА СОЗНАТЕЛЬНЫЙ КОНТУР: СТАБИЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ 03:00 СОЗНАТЕЛЬНЫЙ КОНТУР: СТАБИЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ 02:59

— Поднимай! — крикнула Мирра. — Поднимай решётку!

— Не могу, — сказал Артём.

Лар лежал, прижатый к полу. Его лицо блестело от пота. Глаза были ясные, злые.

— Можешь, — сказала Мирра.

— Контур автономный. У меня нет доступа.

— Ты открыл стены, платформу, ворота!

— Здесь нет доступа.

Она ударила кулаком по решётке. Металл даже не дрогнул.

— Тогда дай нам время.

Это он мог.

Артём направил остаточный резерв в блокировку падальщиков и вентиляцию. Три минуты до стабилизации. Может быть, чуть больше, если отключить внутренний свет. Он погасил руны в грузовом зале. Погасил боковые коридоры. Погасил собственную административную нишу.

Две минуты сорок.

Люди работали быстро.

Хреб и Самек пытались поднять решётку ломami. Мирра резала ремни, освобождая тело Дорса и раненого мула. Лар сам держал металлический зуб, чтобы тот не рвал плечо шире.

— Бросьте, — сказал он.

— Уже слышали сегодня, — ответила Мирра.

— Я не Дорс.

— Именно.

Мирра просунула руки между прутьями, пытаясь добраться до крепления. Кожа на её ладони сразу пошла кровью. Она не убрала руку.

Артём смотрел на таймер.

02:01.

Он искал обход. Не в механизме — в правилах.

Автономный контур не подчинялся данжу. Но он был частью старой шахтёрской инфраструктуры. Шахтёры имели аварийное право разблокировки при подтверждении трудовой единицы. У каравана не было шахтёров. Но были NPC с грузом, проходящие через бывший грузовой узел.

Он подал запрос.

ПОДТВЕРДИТЬ СТАТУС ТРУДОВОГО ПОТОКА ОШИБКА: НЕТ ЛИЦЕНЗИРОВАННОГО МАРШРУТА

Ещё раз.

ОСНОВАНИЕ: ФАКТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ ГРУЗА ОШИБКА: МАРШРУТ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН

Третий вариант.

ОСНОВАНИЕ: АВАРИЙНОЕ СПАСЕНИЕ КАРАВАНА ОШИБКА: КАРАВАН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЪЕКТОМ ДАНЖА

Не является объектом.

А если является?

Артём открыл протокол временного включения.

ВРЕМЕННОЕ ПРИНЯТИЕ ПОТОКА ПОД ИНФРАСТРУКТУРНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТРЕБУЕТСЯ: МАРКЕР ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЯ: ВОЗМОЖНОЕ НАЛОГОВОЕ СОБЫТИЕ ПОДТВЕРДИТЬ?

Вот он. Счёт.

Мирра была права: всё бесплатное становится платным, когда реестр находит графу.

Если подтвердить, данж признает караван обслуженным потоком. Не добычей. Не вторжением. Потоком. Это создаст запись. Запись может дать право. Может дать долг. Может дать повод Коалиции заметить. Может стать первым камнем в стене, за которую потом будут умирать другие.

Таймер: 01:12.

Лар начал терять сознание.

Мирра просунула руку глубже между прутьями, уже не обращая внимания на кровь.

Артём подтвердил.

МАРКЕР ОБСЛУЖИВАНИЯ СОЗДАН ПОТОК: КАРАВАН СОЛЯНОГО ПОСЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЯДРО БЕЗДНЫ ПРОТОКОЛ РАЗБЛОКИРОВКИ: ЧАСТИЧНО ДОСТУПЕН

Решётка дрогнула.

Не поднялась. Но зуб, пробивший плечо Лара, ослаб. Хреб и Самек навалились на лом. Мирра потянула Лара под мышки. Охранник рычал сквозь зубы, но не отключался. Металл вышел из раны с влажным звуком.

Они вытащили его.

Тело Дорса тоже.

Решётка снова упала намертво.

Таймер исчез.

Резерв ядра остановился на одиннадцати процентах.

Артём на несколько секунд потерял карту.

Не полностью. Просто мир стал узким, как горлышко бутылки. Вместо сотен точек — одна синяя линия. Вместо слоёв — шум. Вместо голоса — тяжёлая пустота в центре мысли.

Когда фокус вернулся, караван уже выбирался наружу.

Старый водоотводный канал выходил в овраг под корнями мёртвых сосен. Снаружи было серое утро. Не красивое, не спасительное — просто свет, в котором кровь выглядела бурой, соль грязной, а лица живых слишком старыми для тех лет, что им оставались.

Мулы один за другим вышли из канала. Погонщики стояли на склоне, не веря поверхности. Лар лежал на парусине. Самек держал его плечо, пытаясь остановить кровь. Мирра пересчитала всех.

Пять погонщиков. Один охранник живой. Один погибший. Одиннадцать мулов. Часть груза потеряна. Аптекарский мешок цел.

Она достала караванную дощечку и переставила костяные штифты.

Артём смотрел через последнюю рабочую обзорную руну у выхода.

Мирра повернулась к тёмному зеву канала.

— Я знаю, что ты слышишь.

Артём включил канал не сразу. Резерв был слишком низким, но связь требовала мало.

— Слышу.

— Мы дойдём до Прикроя.

— Если пойдёте вдоль оврага, выйдете к тракту за семь минут. Патруль Коалиции ходит севернее. Не поднимайтесь на гребень.

Она кивнула.

— Ты сказал, платы нет.

— Да.

— Я не верю.

— Правильно.

Она прищурилась.

— Значит, плата есть.

— Система создаст запись о проходе. Я не знаю, как она её посчитает.

— Ты не знаешь, сколько возьмёшь?

— Не я.

— Все так говорят.

Эта фраза была хуже обвинения. Она была опытом.

Мирра подняла с земли горсть соли, просыпавшейся из разрезанного мешка. Соль смешалась с грязью и кровью, стала серо-розовой.

— Дорс умер на твоём маршруте?

Артём ответил не сразу.

Юридически — нет. Фактически — да. Морально — вопрос был неправильно поставлен и потому точен.

— Он умер до того, как я принял караван под ответственность.

Мирра сжала соль в кулаке.

— А если бы после?

На интерфейсе Артёма уже висела новая строка.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБСЛУЖЕННЫЙ ПОТОК: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

Не определена.

Снова щель между запретом и правом. Снова место, где можно построить что угодно и потом назвать это необходимостью.

— Тогда это был бы мой долг, — сказал Артём.

Мирра долго смотрела в темноту канала.

— Запомни это, хозяин аварийного прохода.

— Я не хозяин.

— Пока.

Она развернулась и пошла к каравану.

Люди подняли Лара. Мулы двинулись вдоль оврага. Тело Дорса несли на третьем муле, там, где раньше лежал груз. Аптекарский мешок Мирра взяла сама, перекинув через здоровое плечо.

Караван уходил медленно, но уходил.

Артём держал обзор, пока последняя точка не вышла из зоны данжа. Потом руна погасла.

Он остался в темноте с одиннадцатью процентами резерва и записью, которой раньше не существовало.

Система молчала почти минуту.

Затем перед ним открылось окно.

ФАКТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ ЗАВЕРШЁН ПОТОК: NPC-КАРАВАН ВХОД: НИЖНЯЯ ЖИЛА ВЫХОД: СТАРЫЙ ВОДООТВОДНЫЙ КАНАЛ ГРУЗ: СОЛЬ / АПТЕКАРСКАЯ РАПА / ПРОЧЕЕ ПОТЕРИ: 1 УЧАСТНИК, 2 ЕДИНИЦЫ ВЫЮЧНОГО СКОТА, 18,6% ГРУЗА ЛИЦЕНЗИЯ ШЛЮЗОВОГО ОПЕРАТОРА: ОТСУТСТВУЕТ СТАТУС МАРШРУТА: НЕСЕРТИФИЦИРОВАННЫЙ ПРИМЕНИТЬ GATE_TAX_ROUTING_PROTOCOL?

Артём смотрел на последнюю строку.

Он не вызывал этот протокол. У него вообще не должно было быть доступа к шлюзовой логике. Коалиция держала такие вещи закрытыми, запаянными лицензиями, договорами, санкциями, классами допуска. Игроки видели комиссию. NPC видели цену. Владельцы терминалов видели поток. А глубже работала Система, признающая не вывески, а факт: кто обеспечил проход, тот может стать точкой сбора.

Кнопки «да» и «нет» не было.

Протокол применился сам.

РАСЧЁТ БАЗОВОГО СИСТЕМНОГО МИКРОСБОРА T_volume: 10 980 ЕД. R_trust_modifier: 0,31 DEATHRISK FACTUAL: ВЫСОКИЙ СУВЕРЕННАЯ НАДБАВКА: НЕТ НАЧИСЛЕНО ЯДРУ БЕЗДНЫ: 0,74 МЕДНОГО ЭКВИВАЛЕНТА

Ноль целых семьдесят четыре медного.

Меньше цены погнутого гвоздя. Меньше платы мальчишке за чистку стойла. Меньше чаевых, которые игроки бросали NPC-слугам в столичных тавернах, чтобы те быстрее принесли виртуальное вино.

Но в ядро вошло тепло.

Маленькое. Почти смешное. Как первая монета в пустой чаше.

Резерв дрогнул.

РЕЗЕРВ: 11% 11,03%

Артём не смеялся.

Он смотрел на цифру, и перед ним разворачивалась не прибыль. Маршрут. Если один караван прошёл, второй может повторить. Если второй повторит и выживет, доверие вырастет. Если доверие вырастет, Система перестанет видеть в этом случайность. Если Система признает устойчивый поток, появится право. Не выданное Коалицией. Не купленное через лицензии. Возникшее из поведения тех, кому нужен проход.

Безопасный подземный маршрут. Контракты. Снижение смертности. Рост доверия. Налоговый поток. Утечка ликвидности.

Он видел это так ясно, что стало холодно.

Не потому, что план был невозможен.

Потому что он был возможен.

Возможное всегда опаснее мечты. Мечта не требует тарифной сетки, компенсационного фонда, досмотров, штрафов за ложную декларацию и права сказать у ворот: ты проходишь, а ты нет.

В темноте ядра появился второй сигнал.

Не из данжа.

Из реальности.

Канал был слабым, с помехами. Голос пробился через шум, как человек через завал.

— Артём если ты слышишь я подала запрос на очный доступ. Они говорят, что сессия нестандартная. Говорят, медицинский директор должен согласовать

Лена.

Артём попытался ответить, но канал был односторонним. Или его голос не имел маршрута наружу.

— Я здесь, — сказал он в пустоту.

Система не передала.

Голос Лены продолжал звучать обрывками:

— не подписывай ничего, если оно там вообще появляется. Я знаю, как это звучит. Просто не соглашайся на внутреннее расторжение. Они могут оформить это как добровольный выход из программы

Помехи съели конец фразы.

Потом пришло уведомление.

КОРПОРАТИВНЫЙ СТАТУС КАПСУЛЫ: ПЕРЕСМОТР ДОПУСКА ОСНОВАНИЕ: НЕСТАНДАРТНАЯ АКТИВНОСТЬ НЕЙРОСЕССИИ МЕДИЦИНСКИЙ КОНТУР: ОЖИДАЕТ РЕШЕНИЯ

Артём закрыл окно.

В данже он только что открыл нелегальный маршрут. В реальности кто-то уже увидел нестандартную активность. Всё было связано. Движение капитала, движение тела, движение сознания. Шлюзы в игре и двери дата-центра снаружи отличались только отделкой.

Он вернулся к записи микросбора.

0,74 медного эквивалента.

Первая монета суверенитета.

Первая улика.

Глубоко над ним, далеко от Бездны, в белом шлюзовом зале Коалиции ночная смена подходила к концу.

Зал был слишком чистым для места, через которое проходили тысячи тонн грузов. Ни грязи, ни навоза, ни крови, ни крошки зерна. Только белые плиты, золотые дуги порталов, синие регистрационные огни и длинная стена терминалов, где движение мира становилось строками.

Аудитор третьего ранга Элиан Восс пил остывший чай и проверял утренние расхождения.

Он не был важным человеком. Важные люди не сидят ночью перед терминалом, сравнивая фактическую комиссию с прогнозной. Но именно неважные люди первыми видят трещины, потому что им платят за пыль в углах.

На экране шли обычные отклонения.

Гильдия «Красный Венец» разбила партию железа на шесть мелких, чтобы снизить срочность. Купцы Западного тракта снова занизили магическую насыщенность ткани. Два игрока провели питомцев как ручную кладь. Один город попытался оформить боевые амулеты как сельскохозяйственные обереги.

Элиан ставил метки, отправлял штрафы, пил чай.

Потом увидел строку.

Она была почти нулевой. Такая маленькая, что большинство фильтров не подняло бы её выше технического шума.

ЛОКАЛЬНАЯ УТЕЧКА ЛИКВИДНОСТИ РЕГИОН: ПРИКРОМЬЕ / НИЖНИЕ ГАЛЕРЕИ СУММА: 0,74 МЕДНОГО ЭКВИВАЛЕНТА ПРОТОКОЛ: GATE_TAX_ROUTING_PROTOCOL ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ОПЕРАТОР: НЕ НАЙДЕН

Элиан моргнул.

Проверил ещё раз.

Иногда Система создавала фантомные начисления при сбое порталного эха. Иногда старые городские ворота, давно выведенные из реестра, давали медную пыль в отчётах. Но там всегда был оператор. Город. Гильдия. Храм. Форт. Хоть кто-то, кого можно оштрафовать, уведомить, поставить в очередь на проверку.

Здесь владельца не было.

Точнее, поле было заполнено странно.

СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЯДРО БЕЗДНЫ КЛАСС: DUNGEON_CORE
ПРАВО МАРШРУТА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО

Элиан поставил чашку.

Открыл детализацию.

Один караван. Соль. Потери. Несертифицированный вход. Несертифицированный выход. Фактическое обслуживание потока. Микросбор начислен не городу, не шлюзу, не дороге, а ядру подземелья.

Он сидел неподвижно несколько секунд.

Потом вывел форму внутреннего уведомления.

ПРИОРИТЕТ: НИЗКИЙ

Он посмотрел на сумму и почти оставил так. 0,74 медного. За такое не будят начальство.

Но потом его взгляд вернулся к строке «ПРАВО МАРШРУТА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО».

Элиан изменил приоритет.

ПРИОРИТЕТ: СРЕДНИЙ

Подумал ещё.

Если подземелье получило налог за проход, пусть даже микроскопический, значит, Система признала не бой, не добычу, не рейдовую активность. Она признала транзит.

Он изменил приоритет снова.

ПРИОРИТЕТ: ВЫСОКИЙ АДРЕСАТ: КОМИТЕТ ШЛЮЗОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
ТЕМА: ПЕРВАЯ НЕЛИЦЕНЗИРОВАННАЯ МАРШРУТНАЯ УТЕЧКА

Перед отправкой терминал запросил комментарий.

Элиан написал коротко:

«Возможное самопроизвольное возникновение транзитной функции у данжевого ядра. Рекомендую проверить до повторения потока».

Он отправил уведомление.

В дальнем конце зала один из порталов вспыхнул золотом, принимая богатый караван без очереди. Всё вокруг осталось прежним: белые плиты, чистые терминалы, ровное дыхание лицензированной инфраструктуры.

Только в отчёте Коалиции появилась первая медная дырка.

И где-то глубоко под землёй Артём Соколов смотрел на ту же цифру, ещё не зная, что самая дорогая война в его жизни началась с суммы, которой не хватило бы даже на похороны Дорса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.